Новорожденный ребенок — каким он должен быть? Слегка розоватая кожа, поджатые ручки и ножки? Или, может, сморщенная кожа и плотно сомкнутые веки?

Но в любом случае, он всегда кажется невинным и милым, верно?

Мяо Сян застыла, глядя на младенца в кроватке, и почувствовала, как леденеют конечности.

Ребенок с мертвенно-бледной кожей, отливающей синевой, приподнял голову и, казалось, улыбнулся ей, обнажив десны, усеянные крошечными острыми зубами.

Он скалился, его глаза горели алым, а на губах запеклась капля ярко-красной жидкости.

Это была кровь.

Кровь Ху Сянь.

Зараженный вирусом зомби ребенок больше не был таким послушным, как раньше. Днями и ночами он кричал, разевая рот, полный острых зубов.

Молодая мать, чье тело еще не оправилось после родов, стояла у кроватки, с бледным лицом наблюдая за сыном.

Он проголодался?

О, мой бедный малыш проголодался.

Ху Сянь, чье лицо выражало полное отсутствие мыслей, наклонилась, подняла ребенка и расстегнула одежду, собираясь, как обычно, покормить его грудью.

Получив пищу, ребенок тут же замолчал.

Он закрыл глаза, с явным наслаждением впитывая нескончаемый источник энергии, исходящий от матери.

Только вот теперь ему была нужна не материнское молоко, а кровь.

Но разве это имеет значение? Лишь бы мой сын выжил.

Ху Сянь опустила взгляд на спящего в объятиях ребенка, и на ее лице отразилось нечто похожее на призрачное, почти нереальное умиротворение.

Мой сын в порядке, он все еще у меня на руках.

Посмотри на его брови и глаза, разве он не прелесть?

Заметив, что ребенок, кажется, боится солнечного света, Ху Сянь встала и задернула шторы.

Полуденное солнце едва пробивалось сквозь ткань. В палате мать с распущенными волосами смотрела на сосущего грудь младенца с бесконечной нежностью.

Годы берут свое.

А кровь матери… будет ли она вкуснее?

Ребенок в кроватке вел себя тихо — по-видимому, мать только что его покормила.

Однако, почуяв запах живого человека, он пришел в некоторое возбуждение.

Он издавал невнятные звуки, протягивая мягкие ручонки к тем, кто стоял у кровати, словно просясь на ручки.

В этом жесте промелькнуло нечто от детской невинности.

На балконе у окна стоял горшок с растением, чьи нежные зеленые листья слегка подрагивали на ветру.

Чу Мо протянул руку и коснулся нежного листа; растение, словно обладая сознанием, потерлось о его пальцы.

Мужчина, стоявший у окна, едва заметно улыбнулся.

Мяо Сян, сжимая в руке нож, смотрела на ребенка, пытаясь решить, как с ним покончить.

Она подняла руку, но никак не могла заставить себя нанести удар.

Он выглядел таким маленьким, таким безобидным.

Его тельце было таким же мягким, как ее любимая сахарная вата.

Мяо Сян нахмурилась, глядя на него, но вдруг перед глазами вспыхнуло пламя.

Она вздрогнула и увидела, что за ее спиной стоит Яо Тан.

Ребенку, должно быть, было больно от огненного шара. Он открыл глаза и зашелся в беззвучном плаче.

Но слез не было.

Зомби — это уже мертвые люди.

Они не плачут… значит, они не чувствуют ни печали, ни боли?

Тогда… даже если его сожгут заживо, он не должен чувствовать боли, верно?

Мяо Сян оцепенело смотрела на ребенка, охваченного огнем. Тот смотрел прямо на нее, отчаянно протягивая руки.

Мяо Сян обернулась и взглянула на Яо Тана.

Он улыбался.

В глазах юноши читалась жестокая радость.

Он смотрел на горящего ребенка, и в отблесках пламени глаза Яо Тана, казалось, тоже стали кроваво-красными, как у зомби.

Мяо Сян пробрала дрожь.

Огонь постепенно угасал.

Чу Мо бросил взгляд на почти переставшего двигаться ребенка, а затем посмотрел на Яо Тана.

Юноша повернул голову и тоже улыбнулся Чу Мо.

В его взгляде сквозила ярость.

Маленький ребенок в огне постепенно превратился в жуткий силуэт.

Чу Мо прищурился, снова повернулся к растению на окне, словно не в силах смотреть, как сгорает заживо такое дитя.

Он погладил нежные листья.

Полуденное солнце за окном медленно угасало.

Глава 8

Мяо Сян сидела на больничной койке у окна, жуя кусок хлеба.

Хлеба было совсем немного, но она ела его очень медленно. Тщательно пережевывая пищу, она чувствовала, как слюна растворяет сладость, а каждый глоток мягко скользит по пищеводу, принося чувство сытости.

В больнице проще всего найти еду в родильном отделении.

Может, беременность — это и тяжелый труд, но в то же время — это огромное счастье.

Счастье ожидания и того, что тебя ждут.

Мяо Сян взглянула на кусок хлеба в руке.

…Просто расстояние от рая до ада слишком короткое, настолько короткое, что невозможно подготовиться и невозможно смириться.

Чу Мо стоял у окна, глядя на темнеющее небо с легкой, едва уловимой улыбкой, погруженный в свои мысли.

Яо Тан сидел в одиночестве на кровати у стены, глядя в пол и не проронив ни слова.

Никто не разговаривал, в комнате стояла пугающая тишина.

Мяо Сян казалось, что она слышит, как солнечный свет просачивается сквозь оконные рамы.

Она понимала, что в такой момент должна улыбнуться и заговорить первой, как делала всегда.

В их группе она всегда играла эту роль.

— Но она не могла.

Она действительно не могла.

Вспоминая поступок Яо Тана, Мяо Сян чувствовала, как по телу пробегает холод.

Наверное, она испугалась.

Ничего страшного.

Мяо Сян подумала: я действительно должна бояться.

Никто не может не бояться.

— Этот юноша, который с улыбкой сжигал ребенка, стал воплощением ее детских кошмаров.

У нее не было мужества, чтобы, как раньше, беззаботно с ним разговаривать.

Она знала, что он не сделал ничего плохого.

Она знала, что не должна его винить.

— Это был зомби, зомби, способный пить кровь и пожирать плоть собственной матери.

Так что, если бы он мог, он убил бы и их.

Значит, он враг.

Но… все же это был такой маленький младенец.

Если бы его убили иначе — еще ладно…

Но сжечь заживо…

Мяо Сян снова вспомнила жестокий взгляд Яо Тана и содрогнулась.

Сегодня похолодало, ночной ветер задувал в окно.

Мяо Сян посмотрела на распахнутое окно.

Чу Мо, стоявший у кровати, заметил ее дрожь. Он обернулся и с улыбкой сказал:

— Замерзла? Давай я закрою окно.

Утонченный и мягкий мужчина улыбался так нежно, что его глаза сияли ярче тысячи фейерверков за окном.

В такую холодную ночь это казалось особенно согревающим.

Настолько согревающим, что невольно начинаешь терять голову.

Люди в страхе легче всего поддаются очарованию тепла.

Мяо Сян завороженно смотрела на его профиль.

Раньше она думала: даже если мужчина красив, ну насколько красивым он может быть?

Пока однажды не увидела Чу Мо в палате.

Бледный мужчина лежал на кровати, а его длинные черные волосы разметались по простыням.

Почувствовав, что кто-то вошел, он открыл глаза и слегка приподнялся, глядя на дверь.

Увидев ее, робко застывшую на пороге, мужчина, чей взгляд казался холодным, мягко улыбнулся.

Чисто, нежно, словно лунный свет в тумане. В тот миг Мяо Сян показалось, что она видит пруд с распускающимися лотосами.

Лотос — цветок с налетом тайны, красота, что просыпается после ночного ливня, чистая и прозрачная.

Она никогда не верила в любовь с первого взгляда и не думала, что влюбилась в него.

Просто… Мяо Сян подумала, что некоторые улыбки действительно могут растопить сердце.

Тогда он казался таким хрупким, что она не могла не беспокоиться о нем.

Но узнав его ближе, она поняла, что он гораздо сильнее, чем она представляла.

И… гораздо дальше от нее.

— Чу Мо, а… почему ты носишь длинные волосы? — внезапно спросила Мяо Сян, глядя на мужчину.

Чу Мо действительно шли длинные волосы; мягкий и благородный облик юноши невольно вызывал ассоциации с древними учеными мужами.

Зеленый промасленный зонт, сквозь дымку истории…

Но ведь сейчас современность. Разве это не неудобно?

— Хм? — Чу Мо замер, долго и пристально смотрел на Мяо Сян, а затем опустил глаза и улыбнулся. Его тон был таким нежным, словно он вспоминал кого-то, кто вызывал у него только светлые чувства. Он ответил: — Потому что моей девушке это нравится.

Мяо Сян опешила и посмотрела на него.

У него есть девушка…

Она почувствовала, как настроение упало.

Но…

Мяо Сян снова взглянула на Чу Мо.

Он живет здесь так долго… но я ни разу не видела, чтобы кто-то приходил его навестить.

Полночь. Луна сегодня была яркой, но звезды казались тусклыми.

Чу Мо сел на кровати и взглянул на мирно спящую девушку на соседней койке.

Он слегка изогнул губы, и в следующую секунду на кончиках его пальцев расцвел маленький белый цветок.

Почти прозрачный бутон выглядел очень нежным и светился в ночи.

Способности Чу Мо сейчас были лишь третьего уровня, недостаточно сильные, чтобы усыпить бодрствующего человека, но вполне подходящие для того, чтобы погрузить того, кто уже спит, в еще более глубокий сон.

Мяо Сян повернулась на бок и с легкой улыбкой провалилась в еще более глубокие сновидения.

— Твоя очередь еще не пришла, так что отдохни, — Чу Мо смотрел на нее с нежностью.

В ночи что-то начало прорастать, и на темно-синих шторах под лунным светом заплясали тени, похожие на лианы.

Словно когти призрака, явившегося в наш мир.

Яо Тан, крепко спавший на крайней кровати, мгновенно открыл глаза.

Он быстро сел и повернул голову.

Ночь была темной.

В полумраке он увидел, что на кровати у окна тоже сидит человек. Тот повернулся и улыбнулся ему.

Глаза незнакомца были залиты кровью.

Яо Тан, спотыкаясь, бежал вперед. Он не знал, куда бежит, и даже не понимал, есть ли в этом смысл.

Смогу ли я сбежать?

Он снова вспомнил те кровавые глаза и вздрогнул.

Увидев впереди две двери, Яо Тан бросился к ним. Он толкнул одну, собираясь перевести дух, но вдруг услышал тихий смешок.

— Это лестничная клетка. В такой темноте ты упадешь, — голос был мягким, в точности таким же, каким он днем утешал Мяо Сян.

Яо Тан задрожал и с ужасом поднял голову.

Мужчина в синем опирался на стену, глядя на него с улыбкой.

Яо Тан попытался развернуться и бежать, но споткнулся и упал.

Сидя на полу, он опустил голову, пытаясь подняться, но вдруг его накрыла тень.

Яо Тан поднял голову и посмотрел вперед, побледнев.

Чу Мо улыбаясь приближался к нему.

Стройный мужчина шел неспешно, на его запястье обвивалась лиана, кончик которой покачивался в воздухе, словно с любопытством изучая этот мир.

Он медленно приближался, пока биение сердца Яо Тана не вошло в ритм его шагов.

Яо Тан широко раскрытыми глазами смотрел на приближающуюся фигуру, не в силах сопротивляться.

Еще во время побега его силы иссякли.

К тому же…

Яо Тан взглянул на лиану в руках Чу Мо и горько усмехнулся.

Даже если бы у него были силы, он не был ему ровней.

Яо Тан вспомнил, как днем Чу Мо тепло улыбался, стоя на солнце.

Эти люди… они монстры.

Монстры-людоеды.

Точно так же, как тогда, когда он видел, как они на его глазах делили тело его матери, которая еще не успела остыть… он мог лишь смотреть, не в силах ничего сделать.

Бессилие.

— Что вы хотите… что вы, черт возьми, хотите! — Яо Тан внезапно сорвался на крик. Он посмотрел на Чу Мо, его глаза налились кровью. — Что вам нужно, монстры! Мало того, что вы убили мою мать?! Теперь вы хотите убить меня? Давай!

Чу Мо смотрел на Яо Тана, чьи глаза горели ненавистью, ярко, так ярко, что от ярости наворачивались слезы. Мужчина, скрытый в тени, спокойно ждал, пока тот успокоится, а затем произнес:

— Не пойми меня неправильно… Они убили твою мать просто ради еды. А я…

Он посмотрел на него и улыбнулся, его взгляд был нежным.

— Прости, у меня просто плохое настроение, я хотел найти кого-нибудь, чтобы помучить.

Яо Тан поднял голову, не веря своим ушам.

Этот человек улыбался ему, говорил мягко, даже извинился за то, что у него плохое настроение и он хочет кого-то помучить?!

Яо Тан смотрел на улыбку Чу Мо и внезапно подумал: этот человек… он точно сумасшедший!

Два часа ночи, тишина.

Больница погрузилась в покой, и зомби с застывшими конечностями стояли неподвижно, словно ими кто-то управлял.

В палате на втором этаже Мяо Сян спала сладким сном.

А на лестничной клетке неподалеку слышались отблески пламени и мучительные вопли.

Чу Мо сидел у стены, обхватив колени и наблюдая за пляшущим огнем.

Языки пламени то освещали, то скрывали его лицо.

Его способности древесины и способности зомби все еще находились на третьем уровне.

Третий уровень — в классификации будущих поколений это считалось низким рангом.

В плане древесины он не мог выращивать растения, а лишь управлять уже существующими; что касается зомби, то способности короля зомби третьего уровня лишь давали чуть больше скорости и силы, чем у обычных мертвецов.

Он даже не мог управлять другими зомби!

Чу Мо, не способный использовать все возможности из прошлой жизни, был слегка расстроен.

Он смотрел на корчащуюся в огне фигуру и потирал лиану на запястье.

Послушное растение, почувствовав дурное настроение хозяина, потерлось мягким побегом о его ладонь.

В воздухе стоял резкий запах спирта.

Найти в больнице что-то легковоспламеняющееся было несложно.

Медицинский спирт имел концентрацию 75%, что даже выше, чем у самого крепкого алкоголя.

На самом деле, так даже лучше…

Чу Мо смотрел на фигуру, катающуюся в огне.

Говорят, сожжение — одна из самых мучительных смертей в мире, по жестокости превосходящая даже самые изощренные пытки.

На лице Чу Мо, освещенном пламенем, появилась улыбка.

Так же умер и тот младенец…

Яо Тан, который еще мгновение назад отчаянно сопротивлялся, теперь затих, но глаза его были широко открыты.

Может, это и значит умереть с открытыми глазами?

Чу Мо знал, что скоро он перестанет чувствовать боль.

На самом деле, что плохого в такой смерти? Чисто, быстро, никакой боли, никаких предательств.

Чу Мо смотрел на угасающее пламя.

Видишь, каждый когда-нибудь умрет, так какая разница, как именно?

Чу Мо смотрел на Яо Тана, который превратился в обугленный труп. Он долго наблюдал за ним, затем внезапно протянул руку, потрогал его руку, а потом с треском оторвал кусок плоти.

Чу Мо положил мясо в рот, прожевал, нахмурился и проглотил.

Он встал, собираясь уходить, но обернулся, глядя на обгоревший труп, словно сожалея, что такая редкая еда огненного типа пропадает, но все же решил уйти.

Ладно… в этом апокалипсисе еды меньше всего не хватает.

Чу Мо усмехнулся и исчез в темноте коридора.

Глава 9

Возможно, самое удивительное в людях — это их способность находить надежду посреди отчаяния. А затем, найдя веру, которая поддерживает их жизнь, они продолжают идти вперед, несмотря ни на что.

Они не самые быстрые среди животных, у них нет острых когтей и клыков, нет крыльев, чтобы летать. У них есть только крепкое сердце.

Может, люди и не превосходят другие виды, но у них есть вера, которой нет у других.

Они называют трудности испытаниями и верят, что, пройдя через них, станут как отшлифованный нефрит, сияющий изнутри.

Они рисуют тени, чтобы увидеть направление света, и говорят, что снег — предвестник богатого урожая.

Они верят, что судьба предначертана линиями на ладонях, и, сжимая кулаки, говорят себе: теперь судьба в моих руках.

Хрупкая девушка со всей силы ударила палкой зомби. Тот лишь слегка пошатнулся. Он замер, а затем, издав рык, снова бросился на нее.

Мяо Сян покачнулась, уперлась пятками в пол, выравнивая равновесие. Девушка внезапно пригнулась. Она бросилась на землю и со всей силы ударила палкой по ногам зомби.

— Прямо по коленям.

Палка сломалась с треском.

Зомби наконец повалился на пол.

Мяо Сян вскочила на него, не обращая внимания на слюну, капающую из пасти зомби, испачканной кровью. Она смотрела прямо на него.

Зомби под ней скалился, беспорядочно размахивая руками, его глаза пылали алым.

Бледная девушка тяжело дышала. В ее руке был острый скальпель, который холодно поблескивал в полумраке операционной.

Мяо Сян крепче сжала рукоятку, вспомнив, как Чу Мо с сомнением в глазах передал ей нож.

Он смотрел на нее с такой заботой.

Словно на маленького зверька, который разозлился, но оставался слишком слабым.

Мяо Сян еще сильнее сжала нож.

Она знала: он беспокоится о ней.

http://bllate.org/book/22415/2353409